

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Логвин Янина

Л69 Навстречу рассвету / Логвин Я. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-17-148504-7 (Логвин: лучшие книги)

ISBN 978-5-17-150894-4 (Хиты Логвин: лучшее)

У него репутация плохого парня. А еще потрясающие глаза цвета теплой карамели и красивая улыбка. Ему плевать, что о нем думают другие — он ни с кем не собирается быть настоящим.

У нее — длинные рыжие волосы и искристый смех. А еще страсть к фотографии и девиз: «Больше никаких свиданий и отношений!». Отныне она не собирается никому верить.

Так почему же, когда они встречаются, им так сложно следовать собственным принципам?

Или их стены — всего лишь видимость? А в сердцах все еще есть место для надежды?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148504-7
(Логвин: лучшие книги)
ISBN 978-5-17-150894-4
(Хиты Логвин: лучшее)

© Логвин Я., текст
© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

Мэтью

Иногда мне кажется, что я помню ее. В голове смутно стоит неясный образ, и все-таки. А иногда — что рисую себе эти воспоминания сам. Научился рисовать еще в детстве, когда так хотелось заполнить пустоту материнского присутствия хоть чем-нибудь — пусть даже придуманным образом молодой и доброй женщины.

У нее были пышные каштановые волосы и тонкие руки, на которых никогда не было кольца. Когда я родился, Лукасу только исполнилось три, а Кристиану — шесть, их мать еще не была разведена с нашим отцом и появлялась в доме время от времени, так что мои братья тоже плохо запомнили Джослин. Но даже они смогли мне сказать гораздо больше, чем отец.

Джослин Смит. Легче было отыскать иголку в стоге сена, чем найти ее. Она прожила в доме Палмеров меньше года после моего рождения, прежде чем ушла. И когда это случилось, Крис божился, что на тот момент ей было не больше девятнадцати и что они с отцом все время ссорились.

Позже все, что мне удалось узнать у отца о матери, это то, что он подцепил ее возле какого-то мотеля, ког-

да ее бросил там парень по имени Курт, с которым она до этого два месяца путешествовала по стране, сбежав от строгих родителей. И что поверить ей и пригреть хитрую змею у груди было его самой большой ошибкой.

Когда я был маленьким, я не мог понять, почему мать не взяла меня с собой. Не украла так же ловко, как отцовский бумажник из его кармана со всей имеющейся в семье наличностью. Я вырос в этом

доме, я рос рядом с братьями, но долгое время не чувствовал себя в семье своим. Я продолжал ждать ее вечерами у окна и верить, что однажды добрая женщина с каштановыми волосами появится и заберет меня

в дом, в котором детям на ночь рассказывают сказки, тепло обнимают и кормят пирожными.

Ведь она была первой, кто произнес мое имя — Мэтью. Она не могла меня не любить!

Все объяснил отец, после нашей с Лукасом очередной драки. Думаю, что к этому моменту я успел здорово надоесть им обоим со своими ожиданиями. Он просто взял меня за ухо, протащил через полдома и поставил перед зеркалом.

А точнее, ткнул меня в него хорошенько носом, заставив рассмотреть свое отражение:

— Потому что ты родился Палмером, сраный ты неблагодарный гаденыш! Посмотри на себя — да кому ты нужен?! И лучше перестань жевать сопли, Мэт. Не перестанешь — клянусь, я тебе сам жопу ремнем исполосую! Дались тебе эти книжонки, и слышать не хочу о подобном дерьме! Мечты и сказки придумали богатенькие, чтобы кормить байками таких идиотов, как ты, а потом всю жизнь водить их за нос. Но я не дам тебя облапошить! Ты такой же, как мы, и однажды это поймешь!

Да, такой же. И Лукас с Крисом постарались, чтобы я хорошенько это себе уяснил — им нравилось учить меня жизни, пока я сам не научился давать сдачи и показывать зубы. И постепенно я перестал верить и ждать.

Да, я родился Палмером, и у меня не могло быть иного будущего, чем то, которое содержал в себе код моей крови. Порой я даже пытался ловить кайф от той опасности, которая меня окружала. Но проходили дни и недели, и вдруг за серым беспросветным настоящим наступало утро, в которое я просыпался другим человеком. С ощущением пустоты в груди и мыслями, которых не должно было быть в моей голове.

Я не любил такие дни. Они ломали меня похлеще Утеса и выедали душу ростками глупой надежды, заставляя видеть мир иначе. Надеяться на то, что еще возможно все изменить. Что еще не поздно.

Что изменить? Мое будущее или мое прошлое? Мою семью, каждого из членов которой полиция знала в лицо? Смешно думать, что мне позволили бы стать другим там, где каждый, пока я рос, повторял: *«Помалкивай, Мэтью, ты один из нас! И лучше забудь о том, что видел! Завтра из Роли придет фургон, подготовь гараж, нам предстоит бессонная ночь...», «Молчи, Мэт! Даже если копы голыми руками станут откручивать тебе яйца, лучше затолкай язык в глотку и проглоти, иначе я сам вырву тебе его с корнем! Ты — Палмер, а мы никогда не болтаем лишнего, если не хотим неприятностей...»*

Каждая из таких ночей, когда мой отец и братья красили или разбирали ворованную тачку или мотоцикл, лучше ледяного душа возвращала к реальности. Эта реальность научила меня обращаться с техникой

раньше, чем я стал понимать, зачем мне это нужно. Она же научила чувствовать присутствие копов еще до того, как их полицейские «Бьюики» тормозили у нашего порога, включалась рация и слышался тяжелый стук в дверь.

В эти секунды не существовало ни шанса, ни будущего, лишь голос сознания шептал в затылок, заставляя кожу покрываться липким потом: *«Чувак, ну вот и все. Ты в полном дерьме!»*

После таких ночей я знал, что надежда не стоит ничего. Отец был прав, я родился сообразительным малым и хорошо усвоил уроки детства. Так что каждый подобный день, в который я просыпался другим, для меня всегда оканчивался одинаково — металлическим привкусом крови во рту и осознанием того, кто я есть.

Школа, вот что пока сдерживало отца от того, чтобы свести меня с нужными людьми, которые в нас нуждались. Неожиданно, но у властей города оказалось на меня больше прав, чем у него. А еще — мое упрямство и игра в команде «Беркуты», на которую ему по большому счету всегда было наплевать.

Спиваясь в своем гараже и позволяя мне делать работу за него, Марио Палмер продолжал верить, что его младший сын достаточно умен для того, чтобы никогда не попасться так же глупо, как Крис. Запрещая мне мечтать, он сам верил в это, в то время как уже второй его сын, Лукас, ходил у грани.

Нет, Эшли Уилсон не имела и не могла иметь с моей жизнью ничего общего. Я это хорошо понимал. Каждый из нас жил в своем мире с его законами, следовал своим правилам, и эти миры не должны были пересекаться. Ни на старой парковке, ни на давно забытой

летней ярмарке. Мой отец мог верить во что угодно, но я и без него знал, что вслед за Лукасом настанет и моя очередь.

Не должны, но пересеклись благодаря случаю. И если бы все закончилось ночевкой в постели Уилсон, я бы очнулся. Заставил себя очнуться, вспомнив, чья она дочь. Но наша встреча на Утесе вновь столкнула наши миры и перечеркнула все правила.

Я не мог забыть Эшли. Ни ее голос, ни смелое прикосновение ее губ к моим, ни слова, доставшие до самого нутра: «Ты... убиваешь меня, Палмер!» Ни то, как сильно билось ее сердце под моей рукой, когда я целовал ее, прижимая к себе. Вовсе не от страха перед незнакомым местом или мной, а потому, что мы оба чувствовали.

Тогда ее искренность и смелость поразили меня. Да, я хотел ее, и это не стало новостью, хотя тем вечером с Габриэль я неожиданно оказался честнее, чем с собой. Но я не ожидал, что, выпустив Эшли из рук... уже не смогу отпустить ее из мыслей.

Не тогда, когда узнал какой вкус у ее нежных губ и запомнил ласку ее пальцев на своей шее. Я мог хоть тысячу раз приказать себе держаться в стороне и не замечать рыжую девчонку Уилсон, но стоило увидеть ее даже издали, и все запреты исчезали, а взгляд тянулся за ней. За жизнерадостной мисс Улыбкой, которая запросто пришла в мой дом и нарисовала в своем воображении мое будущее, словно оно реально — осталось только его дожидаться. За стройной девчонкой, имя которой могло быть Радость.

Мне нравилось в ней все — голос, смех, улыбка. Серая, манкая глубина умных глаз и честность, с ко-

торой они смотрели на меня. Словно Эшли видела меня другим.

Я устал сопротивляться. Ни один человек не способен отказаться от того, что делает его хоть немного счастливее. А я точно не был самым сильным из всех. Меня выводил из себя каждый взгляд Рентона, брошенный на Эш, и шутки его идиотов-приятелей в сторону его бывшей девчонки-фотографа, чей рыжий хвост мелькал на спортивном поле во время наших игр и тренировок.

Не знаю, понимали ли они, что Рентону тоже ее не хватало? Вряд ли. Но я понимал. Сдержаться было невозможно, и я просто сбивал его с ног, заставляя потеть всякий раз, когда замечал, что он пялится на Уилсон.

Однажды прошлой весной от его пошлых откровений о ней у меня потемнело в глазах. Сейчас же я не хотел, чтобы он смел о ней даже думать!

Может, я и был одним из чертовых Палмеров с пометкой «опасен для общества» в личном деле, но я хотя бы не трепался в заполненной озабоченными парнями раздевалке о том, с кем сплю и как. Надеюсь, что это добавит мне очков, как будущему капитану команды.

Что ж, благодаря нашей с Рентоном драке он им стал. Жаль, правда, что меня с него стащили, иначе бы это случилось еще не скоро. Но я надолго стер довольную ухмылку с его лица. Только неуверенный в себе идиот мог решить, что я сорвался тогда из-за места капитана «Беркутов». И тем более что буду об этом жалеть. Плевать!

И только такой слизняк, как Рентон, мог променять девчонку, которая ему нравилась, на пустышку Кейт Хардинг, помешанную на собственной популярности.

Прошло всего пару месяцев, а он снова таращится на Эшли, и на этот раз меня это злило куда сильнее. Я продолжал понимать, что из отношений благополучной девчонки со мной ничего не выйдет, но и Рентону больше не мог позволить с ней играть.

Никому! Ни Харту, ни Коллинзу, ни...

Че-ерт! Зачем далеко ходить. Я и сам мог разбить ей сердце.

Но сегодня в клубе я никого не видел, кроме нее. Сколько бы людей ни разделяло нас, мой взгляд снова и снова находил Эшли. Ее волосы и лицо. Меня заводили даже звуки ее имени, что уж говорить о смехе красивой сероглазой девчонки, вдруг повзрослевшей в соблазнительном наряде вампирши, подчеркнувшем ее тонкую талию и округлую грудь.

«...Скажи, Мэтью, что надо сделать, чтобы ты улыбался? Не обращал внимания на родителей Бродди и на слова своего отца?»

— Ты не захочешь это знать. А потом не захочешь знать меня. В конце концов, это ты у нас мисс Улыбка...»

Сегодня я больше не был уверен в том, что не готов ей сказать. Вчерашняя игра окрылила, а радость, с какой Эшли смотрела на меня после нашей победы, позволила поверить в невозможное.

Ей ничего не надо делать, чтобы я чувствовал себя счастливым. Просто быть рядом.

Да, знаю, я многого хочу, но мое сердце тоже стучало и не хотело ничего слышать.

— Твою мать, Мэт!.. Что это было? Вот только что?.. Чувак, ты и правда танцевал?! Нет, не так... Ты танцевал с Эшли Уилсон?! Она горячая девчонка,

не спорю, но... Мэт, она же дочь копа! Ты рехнулся? Или это какой-то чертов план? С какого перепугу ты ее вдруг обсосал при всех?!

Мы стоим с Салгато на парковке у клуба «Лихорадка», возле наших мотоциклов, и надеваем куртки, пока молодежь вокруг разъезжается по домам.

— Отвали, Рони! И меньше вопросов, я сейчас не готов с тобой трепаться об Эшли.

— Об... Эшли?! Ничего не понимаю. Ты решил досадить Рентону? Она же крутила с ним в прошлом году. Тогда бы лучше отбил у него Хардинг. Или какого черта происходит? Мы же были с другими девчонками!

— Это ты с ними был, не я.

— Но я твой лучший друг, Мэт! И что я должен думать? Сначала ты отшиваешь Габи, потом Лесли... У всех наших челюсти отвисли, когда ты вывел на танцпол Уилсон. Ты же ее там чуть не поимел! Не помню, чтобы ты так чудил на Утесе.

Я снимаю мотоцикл с подножки и сажусь на него, натягивая на голову мотоциклетный шлем.

— погоди, Мэт! — ловит меня за плечо Салгато, заглядывая в лицо. — Так все-таки хитрый план, я угадал?

— Не напрягай мозги, Рони. Нет! И отвали, сказал же!

Но Рони въедливая сволочь и так просто не сдается.

— Значит, ты ее просто хочешь?! — с неверием усмехается вдруг. — Девчонку с проблемами? И я должен в это поверить?!

Мне приходится поймать его за лацкан куртки и крепко сжать этот лацкан в кулаке, секунду раздумывая, что потратить на ответ — силу или слова.

Только потому, что он мне друг, я грубо его отпихиваю, застегиваю шлем и завожу двигатель.

— Хочу, да! Я хочу Эшли Уилсон! И мне плевать, что ты об этом думаешь!

К черту! Мне надоело объяснять! Я никому и ничего не должен — и тем более обнажать душу. Кто мне верит, а кто нет — последнее, что меня волнует. А проблемы...

Я не могу о них думать. Не сегодня и не сейчас.

Эшли садится в машину с девчонками и оглядывается. Находит меня взглядом. На секунду приподнимает уголки губ, отводя от щеки волосы... И я срываюсь с места в тот самый момент, когда их машина отъезжает от клуба.

Я не соврал Рони. Я слишком ее хочу, чтобы не сойти с ума от собственных мыслей. Но не в одном желании дело, иначе все было бы намного проще. Это опасные игры, знаю, но иногда границы рушатся, а запреты исчезают, потому что не можешь иначе. А я не могу.

Ее кожа гладкая и сладкая на вкус — я запомнил это еще с Утеса, и сегодня многое себе позволил, чтобы еще раз эту сладость почувствовать. Эшли Уилсон — мой личный наркотик, и я не хочу думать о том, что будет завтра. Да все равно, что будет!

Я еду за ее машиной до самого коттеджа Хардингов, и уезжаю лишь тогда, когда Эшли скрывается за дверью, подгоняемая веселыми криками подруг.

Конечно, они видят меня и, проносясь мимо, я сигналию им и улыбаюсь как дурак, только сейчас позволяя себе набрать скорость.

Отличный вышел Хэллоуин! Только вот как теперь уснуть?

Дома в гостиной работает телевизор, перед которым вразвалку спит отец. Я захожу в комнату и выключаю плазму. Набрасываю на отца одеяло, собираю у дивана несколько пустых банок из-под пива, и только тогда ухожу в душ, решив, что поднимусь к себе после. Сейчас мне хочется смыть с себя жар вечеринки и хоть немного остудить то, что продолжает кипеть в крови и что не сумел остудить ночной ветер.

Я снимаю с себя одежду и становлюсь под душ. Вспенивая на волосах гель, закрываю глаза и вспоминаю Эшли — ее удивление и растерянность на лице, когда я подошел к ней и взял за руку. Когда положил руки на бедра, прижимая к себе.

Вряд ли она догадалась, как мне это понравилось, но откликнулась. Ответила очень женственным и смелым танцем, бесстрашно принимая вызов, хотя все смотрели на нас.

Интересно, решусь ли я когда-нибудь назвать ее тем именем, которым назвал про себя в нашу первую встречу?.. Когда я думаю об этом сейчас, мне кажется, что нет ничего невозможного.

Эшли Уилсон. Еще недавно я полагал, что мы с тобой так никогда и не заговорим. А сегодня не мог оторваться от твоих губ, целуя при всех.

Когда я выхожу из ванной комнаты и поднимаюсь к себе, то вижу в коридоре Лукаса. Он стоит не один, а прижав к стене Габриэль, и при виде меня даже и не думает натянуть на задницу приспущенные джинсы, обхватив рукой голое бедро девушки.

Впрочем, они оба меня не стесняются — в комнате Лукаса находится еще парочка его знакомых и слышен негромкий смех.

Я слишком ушел мыслями в себя, иначе бы их услышал, а теперь остается просто пройти мимо в свою комнату.

— Ох ты... Мэт! — скалится Лукас, повернув ко мне голову и тяжело дыша. — Ты немного не вовремя, брат.

— Привет, — бросаю ему равнодушно, отворачиваясь от парочки. — Ну извини. Могли бы и другое место найти.

— Не могли. Габи вообще-то тебя искала. Правда, детка? — смеется Лукас. — Мы с ней болтали и слегка, хм, увлеклись.

Они определенно что-то пили, и девчонка пьяно хихикает, целует брата.

Заметив, что я в одном полотенце на бедрах, она опирает затылок о стену и красноречиво вскидывает бровь.

— Лукас, ты обещал, что сегодня будет горячо. Твой младшенький не хочет к нам присоединиться? До утра еще не скоро.

— Что, Габи? Завелась?

— Давно хочу попробовать втроем, но только если никому не расскажете.

Вряд ли Лукаса можно смутить подобным предложением. Пока я рос рядом с братьями, мне приходилось видеть всякое, и он вновь довольно скалится, обращая на меня помутневший взгляд.

— Слышал, Мэтью? Что скажешь? Разве сегодня не подходящая ночь, чтобы стать еще одним аморальным Палмером? Смотри, тебе ее даже разогреть не придется — я уже постарался.

Проходя мимо парочки, я открываю дверь в свою комнату и включаю свет. Но прежде, чем ее за со-

бой захлопнуть, не забывая показать брату средний палец.

— Пошел ты, Лу... Катитесь в ад без меня, чертовы извращенцы!

Эшли

За окном автомобиля мелькает дорожная разметка шоссе, из автомагнитолы звучит композиция «In The Shadows» группы The Rasmus, Эмбер сидит за рулем своего «Форда» и мужественно молчит целых три минуты, когда вдруг не выдерживает:

— Нет, я не могу молчать! Меня сейчас разорвет, девочки! Это было круче второго сезона «Академии Амбрелла»! Круче вчерашней победы «Беркутов» над «Носорогами» и даже круче моего поцелуя с Броуди! Хотя этот задохлик Брюс и снес мне изрядно крышу. Я же теперь не усну, если не узнаю всех подробностей! Эшли, умоляю, скажи — что у тебя с Палмером?!

Мы возвращаемся с вечеринки втроем, только на этот раз вместо Триши, оставшейся с Джейком, с нами едет Фиби. И обе девчонки с любопытством поворачивают ко мне головы.

— Эмби, ты с ума сошла?! — хватаюсь я за руль. — Врежемся!

Но Эмбер так не кажется, и она с достоинством фыркает:

— Фигушки! Дорога пустая, и я готова услышать все тайны! Ну, Э-э-эш! — просит слезно, и я смущенно пожимаю плечами.

— Ты же видела. Мы с Мэтью танцевали.

— Танцевали?! Теперь это так называется?

— Ну, хорошо. Еще целовались. Но победили-то все равно Триша и Джейк!

Эмбер закатывает глаза и улыбается, и я тоже. Хорошо, когда находишься с подругой на одной волне. Однако замолкать она и не думает.

— Дженкинс с Финли тоже классно танцевали, но я на них не смотрела. Что я там не видела? Джейк поднял Тришу на руки и все закончилось поцелуем в плечо! Хорошо хоть не засосом на шее, как у Кейт. Так ей и надо, Рентон такой болван! Совсем, как его дружок Хью, никакой фантазии! А вот у вас — другое дело. Когда Палмер добрался до твоей ноги — о господи, Эш! Я думала все шеи свернут от любопытства, а воздух закипит! Так было интересно, на каком же месте вы оба остановитесь! Малышка, ты была такая секси в своих черных чулках!

Эмбер весело хохочет, и я шутливо прикрываю глаза руками.

— Умоляю, перестань! Иначе я сгорю от стыда!

— Не могу. Ты бы видела, как Палмер на тебя смотрел. Я и подумать не могла, что он так круто танцует. Представляешь, сколько разговоров будет в понедельник в школе?.. Что? Как? Почему? — Эмби округляет глаза. — Неужели между ними что-то есть, а мы не в курсе?!

— Так это правда? Что между вами что-то есть? Он же опасный тип, Эшли! — сует сзади любопытный нос Фиби, показав личико между сиденьями, и Коуч тут же наставляет на девушку палец.

— Вот, видишь! Началось!

— Даже думать об этом не хочу!

— А придется, Эш. Поэтому и спрашиваю, что между вами происходит? Я, как твоя подруга, должна все секреты узнать первой!

Я не знаю, что между нами происходит, и не знаю, что будет завтра. Я только знаю, что на танцполе мы

оба были настоящими и что время с Мэтью пролетело как одна секунда, которую я согласилась бы повторить тысячу раз!

А еще я пока не готова никому раскрывать его секреты.

Я поворачиваюсь к девчонкам и, улыбаясь, показываю, что закрываю свой рот на застежку-молнию.

— А ну и ладно! И не надо! — ничуть не обижается Эмби на мой жест. — Мы и так видим, кто едет за нашей машиной как привязанный!.. Можешь секретничать, Уилсон, хоть до Рождества! Но, кажется мне, что у кого-то сегодня появился парень!

